

*ЛОШАКОВ Александр Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и русского языка гуманитарного института филиала САФУ имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске. Автор более 100 научных публикаций**

*ШУШАРИН Иван Алексеевич, аспирант кафедры литературы и русского языка гуманитарного института филиала САФУ имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске. Автор одной научной публикации***

ПРОЛЕГОМЕНЫ К КОНЦЕПЦИИ ПУШКИНСКОГО ТЕКСТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В русской филологии «пушкинский текст» понимается по-разному: как целокупность произведений Пушкина; как цитатный фонд носителя русской культуры (Б.М. Гаспаров); как интертекст, активно резонирующий в текстах русской литературы (Н.А. Кузьмина); как текстовая реализация «пушкинского мифа» в истории литературного процесса, соответствующая меняющимся во времени коммуникативным стратегиям универсализма, биографизма, феноменализма, деконструктивизма, литературной игры (Ю.В. Шатин, М.В. Загидуллина, Т.Г. Шеметова и др.); как мегатекст, аналогичный мифу (В.И. Тюпа). Авторы статьи квалифицируют Пушкинский текст как базовый именной сверхтекст русской текстосферы, существующий на основе содержания национально значимого персонического концепта «Пушкин». Структура данного сверхтекста включает в себя «текст жизни» поэта, текст его произведений (прототекстовый уровень), а также огромный корпус метатекстов, функционирующих в разных типах дискурса (художественном, литературно-критическом, педагогическом и др.). Максимальная смысловая установка Пушкинского текста характеризуется содержательным многообразием, полифункциональностью, проявляется в разных дискурсивных стратегиях: мифологизирующей, демифологизирующей, пуристической («охранной»), эволютивной (оценочной), игровой и др. Диапазон их действия тем не менее определяется двумя антитетичными аксиологическими векторами – сакральным и профанным. Любой текст, отмеченный пушкинской темой, оказывается в сфере воздействия смыслов Пушкинского текста, инкорпорируется в нем и интерпретируется в соответствии с его дискурсивными стратегиями. Для русской культуры Пушкинский текст является важнейшим фактором интеграции и развития, ценностным эталоном, он не только воздействует на национальное самосознание, но и обуславливает формирование других именных и локальных текстов, вступая с ними в сложные смысловые отношения.

Ключевые слова: *именной сверхтекст, персонический концепт, Пушкинский текст русской культуры, пушкинский миф, прототекст, дискурсивная стратегия, словесный ряд.*

*Адрес: 164500, г. Северодвинск, ул. Карла Маркса, д. 36; e-mail: a.loshakov@narfu.ru

**Адрес: 164500, г. Северодвинск, ул. Карла Маркса, д. 36; e-mail: i.kaziacka@yandex.ru

Вопрос о сверхтекстах (авторских и рецептивных, локальных и событийных (ситуационных), персональных и персонажных, журнальных и книжных и др.), инициированный в литературоведении трудами В.Н. Топорова о Петербургском тексте русской литературы (1973) [1], а в лингвистике – статьёй Н.А. Купиной и Г.В. Битенской (1994) [2], является не только одним из активно обсуждаемых, но и, судя по результатам многих исследований (см., например: [3–5]), продуктивно изучаемых в филологии. Тем не менее утверждение о том, что теория сверхтекста обрела окончательный, цельный и непротиворечивый характер, сегодня было бы поспешным, поскольку сверхтекст как моделируемая семиоэстетическая реальность чрезвычайно объёмна, суммативно-интегративна, полиаспектна и полиинтенциональна, транстекстуальна, многомерна и полиинтерпретативна, он обладает сложной и далеко не во всем прояснённой типологией.

Общепринятой дефиниции сверхтекста не существует. Те же его определения, которые предлагаются исследователями, отнюдь не являются взаимоисключающими – они скорее дополняют друг друга и уточняют те или иные аспекты исходного рабочего определения, предложенного Н.Е. Меднис: сверхтекст представляет собой «сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [6].

В нашем понимании сверхтекст – это целостное словесно-концептуальное («сверхсемантическое») образование, создаваемое множеством текстов, референцирующих к единому полиаспектному, эстетико-семиотическому объекту описания и интерпретации и отмеченных интенционально направленной ассоциативно-смысловой связью. В числе конститутивных признаков сверхтекста также следует назвать кросс-жанровость, кросс-темпоральность, кросс-персональность, смысловую многомерность, общность языкового и интерпретативного кодов, динамичность, открытость и подвижность структуры, трансгрессивность, т. е. способность

каждого субтекста метонимически представлять смысловую канву сверхтекста, устанавливать метатекстовые взаимоотношения между целым и частью. Важнейшим условием описания сверхтекста является соблюдение принципов «внеаходимости» исследователя, усматриваемой целостности текстового ряда, его подчиненности максимальной смысловой установке, которая задает центрирующий смысловектор в текстовом континууме и программирует актуализацию релевантных контекстов (социально-исторического, культурологического, биографического, прагмаэстетического, линвопозтологического и др.) [7].

В свое время Н.Е. Меднис писала о гипотетической возможности выделения ряда именных сверхтекстов в русской литературе, и вполне симптоматично, что первым в этом ряду ею был назван Пушкинский текст русской культуры, «хотя текстовая природа его, как минимум, своеобразна и, может быть, вообще требует какого-то иного обозначения». В числе других сверхтекстов исследователем были обозначены текст Достоевского, Чеховский текст, Блоковский текст и др. [6]. За каждым из таких феноменов стоит соответствующий персонический концепт, продукт коллективной концептуализации имени человека, оставившего глубокий след в культуре.

Несомненно, что в русском культурном пространстве (текстосфере) именно Пушкин выступает центральной, организующей и консолидирующей общественное сознание фигурой. Поэтому концепт «Пушкин» является базовым, ядерным в той части национальной концептосферы, которую Г.Г. Хазагеров назвал персоносферой и определил как состоящую из концептов, особо значимых в ценностном плане для социума и его культуры и потому активно служащих для социализации и культурации человека [8]. Персонический концепт собирает в себе прежде всего ту информацию об историческом, фольклорном, литературном, религиозном, общественном субъекте, которая, аккумулируясь, становится духовным капиталом общества, ценностными константами-ориентирами в национальной картине

мира, высшими смыслами и целями в жизнедеятельности.

Персонический концепт «Пушкин» находится в режиме постоянной актуализации. С одной стороны, он ярко проявляет себя в различного рода текстах пушкинской тематики, с другой – вбирает в себя все новые и новые порождаемые ими смыслы и культурные ассоциации, выкристаллизовывает их, прочно связывая с эмоционально-чувственным, волевым, социально-историческим, этико-эстетическим опытом, тем самым обогащая и сгущая свою ценностно-коннотативную сферу. Именно поэтому смыслопорождающая, коннотирующая энергия данного концепта, его ценностных ориентиров выступает в качестве важнейшего конститутивного признака, фактора существования и развития именного Пушкинского (сверх)текста – единицы ахронического мультитекста русской культуры, его ценностного ядра.

Очевидно, что, обладая в русской культуре статусом абсолютной эстетической ценности (Я. Мукаржовский), образ Пушкина, а вместе с ним и пушкинские произведения («текст творчества») выполняют роль эстетического эталона, образца, используемого при оценке того или иного явления культуры, произведения. При этом и сам канонизированный образ Пушкина становится неким семиотическим пространством, пучком состоявшихся смыслов, культурных ассоциаций, прецедентных феноменов. На нем фокусируется креативная деятельность многих и многих авторов, в результате чего он мультиплицируется, все более и более детализируется. В результате концепт, стоящий за именем «Пушкин», обогащается не только новыми признаками, но и (в большей мере) новыми поэтологическими средствами выражения. Едва ли не главной причиной тому является превращение в штампы или декоративный материал регулярно

воспроизводимых в разных культурных практиках одних и тех же средств художественной выразительности, что приводит к их десемантизации и необходимости «переопределения означающего» (Ж. Деррида). Ср., например, следующие поэтические формулы: *Друг народа. Враг царя. / Гений – прощя говоря* (С. Гриценко)¹; *Стоит наш гений во весь рост; / Став эхом русского народа* (Ю. Левчук)²; *Глядел во след ему Российский гений* (Д. Самойлов)³; *В нем русская природа, русский дух, / Характер русский – все слилось в едино. / Громадина словесности рассейской; А значит верно – Пушкин наше все!* (И. Шептухин)⁴. Таким образом формируется словарь, образные парадигмы Пушкинского текста.

Понятие «пушкинский текст» вошло в научный обиход на рубеже XX–XXI веков, и прежде всего благодаря работам Б.М. Гаспарова [9], Н.А. Кузьминой [10], Ю.В. Шатина [11], Н.Е. Меднис [6], М.Г. Уртминцевой [12] и др. К этому времени были определены и основные направления исследования многомерной содержательной структуры этого сверхтекста. Так, Б.М. Гаспаров писал о пушкинском тексте как о важной части цитатного, мнемонического фонда носителя, реципиента русской культуры. Развивая идеи автора «Лингвистики языкового существования», Н.А. Кузьмина в рамках разрабатываемой ею теории интертекста изучает особенности функционирования «сильных» (хрестоматийных) пушкинских текстов в творчестве А. Кушнера и Д. Пригова и приходит к выводу, что «Пушкинский Текст входит в резонанс с современными поэтическими системами» как непосредственно, так и через тексты других авторов (Тютчева, Ахматовой, Мандельштама, Хармса и др.), при этом в рамках стилистического диапазона: «возвышенное – сниженное, ироническое». Он оказывается «настолько многогранным, что способен

¹Гриценко С. Пушкин. Школа. Сочиненье... URL: http://elenkav.ucoz.ru/publ/posvjashhenija_znamenitym_ljudjam/poehtam_pisateljam/stikhi_o_pushkine/53-1-0-13 (дата обращения: 14.09.2016).

²Левчук Ю. В музее Пушкина. URL: <http://www.stihi.ru/2010/02/26/2444> (дата обращения: 14.09.2016).

³Самойлов Д. Пестель, поэт и Анна // России первая любовь. М., 1989. С. 380.

⁴Шептухин И.А. Памяти Пушкина. URL: <http://www.stihi.ru/2010/03/05/2544> (дата обращения: 14.09.2016).

откликаться на самые разные требования времени и художественной индивидуальности» [10, с. 116]. Отметим, что в новейшей русской филологии проблема функционирования пушкинского текста (интертекста) в произведениях, творческом сознании русских поэтов и писателей является одной из наиболее активно разрабатываемых.

Иной аспект в понятии «пушкинский текст» (без его дефинирования) был обозначен в работах Ю.В. Шатина. Предметом исследования ученого становятся сменяемость и сосуществование в развивающемся литературно-общественном контексте различных коммуникативных стратегий, применяемых для интерпретации и трансляции пушкинского текста. Выдвижение того или иного «кода культурной коммуникации», по мысли исследователя, было непосредственно связано с особенностями эволюции пушкинского мифа. Как и любой иной культурный миф, определяющий ценность исходя из характера самого высказывания, а не из его отношения к фактам, пушкинский миф в своем развитии прошел три стадии – генерализацию, феноменологизацию и деконструкцию, которые соответственно нашли выражение в следующих аксиологических формулах: «Пушкин – это наше все», «Мой Пушкин», «Анекдоты о Пушкине» [13, с. 183, 191].

При жизни Пушкина оценка и интерпретация его текстов проходила в ключе таких мифосообразных коммуникативных стратегий, как *редукционизм* («принятие одних и неприятие других произведений»), *биографизм* (прочтение текстов поэта как фактов его биографии), *идеологизм* (интерпретация текстов в духе идеологем своего времени). Ситуация меняется после гибели Пушкина, которая не только породила миф о нем как жертве заговора против него, но и вызвала смену акцентов в системе кодов интерпретации: «... прежняя редукция стала универсализмом, биография – житием, а идеология – вочеловеченной соборностью» [11, с. 236]. Окончательная кодификация канонического пушкинского текста и его агиографического пафоса произошла в 1880 году, когда был открыт знаменитый памятник поэту работы А.М. Опекушина.

В XX веке установка на мифологизацию Пушкина и его произведений не только сохраняется, но и обогащается новыми стратегиями. Наравне с универсализмом, биографизмом, феноменализмом начинает использоваться игровой код, соответствующий теории и практике постмодернизма, принципам идеологического плюрализма. В целом же пушкинский текст (в состав которого Ю.В. Шатин, судя по содержанию его работ, включает не только биографический миф о Пушкине и пушкинские произведения, но и беллетристические дискурсы о поэте) характеризуется исследователем как наиболее значимая художественная система в контексте русской культуры последних двух столетий, как «один из самых гибких объектов, допускающих различные коммуникативные стратегии для его интерпретации и трансляции» [11]. Тем самым он является полиинтерпретативным, допускающим различные прочтения (и как фрагмент отраженной реальности, и как миф, и как гимн творчеству, и как злая пародия, и т. д.).

Эволюция пушкинского мифа (т. е. сюжета, отражающего ключевые события биографии поэта и его творческого пути), «принципиально “национального” (общенародного), выросшего в сознание на уровне стереотипической схемы» [14, с. 117], его структура, особенности его рецепции в русском культурном пространстве – эти и другие смежные с ними вопросы, тем или иным образом сопряженные с Пушкинским текстом русской литературы, обстоятельно рассматриваются в работах М.В. Загидуллиной [15], Т.Г. Шеметовой [14] и др. Результаты данных исследований фундируют разрабатываемую нами концепцию Пушкинского текста.

Важным представляется положение Т.Г. Шеметовой о том, что биографический миф представляет собой продукт коллективного сознания, возникший на основе первоначальной версии судьбы автора – автобиографического мифа. Репрезентированная через тексты, эта версия «многократно переосмысливается как массовым сознанием, так и художниками, исследователями» и имеет тенденцию воспроизводиться [16, с. 3]. Несомненно, значимым для нас является

также положение о том, что «история пушкинского мифа была последовательной сменой разных силовых линий (сакрализации и профанирования) единого мифа, живущего по законам ритмических повторений» [15, с. 10]. Не меньший интерес представляют как выделенные структурные компоненты пушкинского мифа – мифологемы (события и образы) и мифемы (цитаты и афоризмы, «с помощью которых национальное сознание ориентируется в континууме пушкинского мифа»), так и определенное исследователем содержание онтологического, гносеологического и аксиологического аспектов мифа [16, с. 12].

Пушкинский текст русской литературы как сложноорганизованное словесно-концептуальное образование включает в себя «текст жизни» поэта (З.Г. Минц), текст его произведений (собственно пушкинский текст), а также огромный корпус метатекстов мемуарного, литературно-критического, философского, научного, художественного содержания, прототекстами которых стали произведения Пушкина и его «текст жизни». Каждая из этих составляющих имеет сверхтекстовую природу.

Надо думать, что в Пушкинском тексте действуют те же тенденции, что и в символистском тексте, выявленные З.Г. Минц: «...реальности приписываются свойства художественного текста», «...мир (и глобальный “миф о мире”) имеют не просто текстовую структуру, но структуру, изоморфную организации *художественного текста*» [17, с. 97, 98]. То же справедливо и в отношении «текста жизни» Пушкина: не только собственно его тексты, но и тексты других авторов, маркированные присутствием его образа, становятся важным способом кодирования «текста жизни» и его, и пишущих о нем, и в этом надо усматривать проявление стратегии феноменализации. По словам Т.Г. Шеметовой, «каждая веха судьбы национального поэта представляется знаковой в контексте мифа, а потому может соотноситься с разнообразными явлениями русской духовной и социальной жизни» [16, с. 23].

Следует отметить, что вопрос о разграничении и соотношении понятий «творчество Пуш-

кина как текст» и «Пушкинский текст русской культуры» был поднят, в частности, в упомянутых выше работах Н.Е. Меднис и М.Г. Уртминцевой. Анализируя внутренние схождения мемуарной прозы И.С. Тургенева и А.С. Пушкина и опираясь на устойчивые черты пушкинского мифа (редукционизм, биографизм, идеологизм), выделенные Ю.В. Шатиным, М.Г. Уртминцева показывает, как в метатексте (очерке Тургенева) вокруг имени Пушкина возникает «текст особой “плотности”» (сверхтекст) – Пушкинский текст русской культуры, как происходит взаимодействие его смысловых планов (биографического, мифобиографического, поэтического) с «внутренним сюжетом» воспоминаний Тургенева, порождая уникальный смысл, обогащающий как пушкинский текст, так и тургеневский. Исходя из этого, Пушкинский текст характеризуется исследователем (в соответствии с терминологией Р. Барта) как «генератор кодов его расшифровки» и одновременно как «сам код» – «способ выражения авторской идеи, авторского “я”» [12, с. 13–14].

На наш взгляд, ценность выводов исследователя заключается и в том, что они доказывают способность Пушкинского текста определять логику интерпретации любого текста, прямо или косвенно связанного с пушкинской темой, координировать его с высшими смыслами и целями сверхтекста (максимальной смысловой установкой), его прагматикой, аксиологией, онтологией, ключевыми концептами.

В нашем понимании текст произведений Пушкина, как и «текст жизни» поэта, соотносится с вполне определенной фабульно-фактуальной канвой (биографическим временем). Оба этих текста, взаимоотражаясь, взаимодействуя, составляют прототекстовую (производящую) основу Пушкинского текста русской литературы. Важно подчеркнуть, что именно это основание, архетипическое в своей сущности, стало отправной точкой для определения Пушкинского текста как «диахроничного и асинтагматического смыслового феномена, парадигматического явления, по природе своей аналогичного мифу, в частности, своей анонимностью, ибо никто

из авторов интегрированных субтекстов не может быть признан автором мегатекста» [18].

«Надстроечные» (производные) уровни данного сверхтекста конституируются различными «вторичными» текстами – метатекстами, находящимися в сложных ассоциативно-смысловых отношениях как друг с другом, так и со своими прототекстами. Таким образом, Пушкинский текст русской литературы обладает многоуровневой, динамической, открытой, дискурсивно-вариабельной структурой. Прототекстовые маркеры (актуализаторы, коды) являются облигаторными компонентами в каждой из метатекстовых составляющих сверхтекста. Будучи метонимическими знаками, они актуализируют содержание соответствующего прототекстового сегмента. Текст произведений поэта (пушкинский текст) эксплицируется словесными рядами цитатного характера, «текст жизни» – словесными рядами аллюзивного характера (отсылки к биографии поэта, мемуарной литературе, документам). При этом принципиально возможна как контаминация, так и функциональная обратимость данных рядов. В рамки тех и других словесных рядов, надо думать, логично встраиваются выделенные Т.Г. Шеметовой мифологемы-образы (*чудо-ребенок, няня, Сверчок, потомок негров, пророк*), мифологемы-акции (*Я вас любил* (утаенная любовь), *Я памятник себе воздвиг* (памятник), *дуэль*) и мифемы (*Солнце русской поэзии, всемирная отзывчивость*), которые актуализируют разные аспекты пушкинского мифа и являются наиболее востребованными «как при характеристике образа Пушкина, так и при экспликации национальных представлений о смысле человеческого бытия» [16, с. 25].

При всем многообразии понимания природы Пушкинского текста несомненно, что для русской культуры он является важнейшим фактором ее интеграции и развития, он не только воздействует на национальное самосознание, но и прямым или опосредованным образом влияет на формирование и функционирование других сверхтекстов – локальных, именных, персонажных, выступая по отношению к ним ценностно-смысловым эталоном.

Любой сверхтекст обладает максимальной смысловой установкой. Этот важнейший конститутивный признак определяет не только его существование, онтологический статус, но и содержание и характер реализуемых в нем дискурсивных стратегий текстуализации и модализации. Максимальная смысловая установка Пушкинского текста (равно как и Петербургского текста) характеризуется функционально-семантическим многообразием, проявляясь в разных стилистических стратегиях, которые, однако, действуют в рамках, заданных двумя полярными аксиологическими векторами – сакральным и профанным. При этом и тот, и другой мотивированы биографическим пушкинским мифом.

Стилистические стратегии сакрального диапазона (мифологизация, канонизация, «эталонизация» и др.) направлены на утверждение в общественном сознании героизированного образа Пушкина, превращение его в эстетический эталон, образец, выдвигание в нем черт, свойственных национальному идеалу, – мессианизма, гениальности, божественного творческого дара, энциклопедичного склада ума, патриотизма, народности, высшей степени духовности, равноправности миру. Общий пафос этой смысловой стороны сверхтекста можно выразить словами известного пушкиниста Б.И. Бурсова: «Мы говорим о Пушкине, как и о Гомере или Шекспире, что он величайший поэт для всех времен, но, однако, представляем его как принадлежащего своему веку и своему же отечеству. И он действительно воплотил в своей поэзии дух своего века и своего народа, преломивших в себе всю историю человечества» [19, с. 551].

На поверхностной структуре сверхтекста эти смыслы репрезентируются посредством высокой лексики, мифологических и классических образов и сюжетов, сопряженных прежде всего с концептами, образующими сферу сакрального в его телеологическом, антропологическом, пространственно-временном, ритуальном и других измерениях: «Бог/Господь», «дух», «душа», «святой человек, мученик, пророк», «священное место», «священное время», «священное слово», «заповедь», «табу», «житие», «свет»,

«добро» и др., которые могут объединяться на основе разных признаков: ангел, бесплотность, наставничество, бессмертие, спасение, серафим, путь, небо и др. (см. о религиозном аспекте концептов «дух/душа» в: [20, с. 223–243]). Ср.: *Ты был богов орган живой*⁵; *в памяти народной Ты не умрешь, возлюбленный поэт!*⁶; *Горит, горит мятежная свеча, Зажженная бессмертной рукою*⁷.

В границах противоположного, профанирующего, диапазона реализуются стилистические стратегии, порожденные стремлением авторов очистить образ Пушкина от мифических элементов (демифологизация, десакрализация), освободиться от стереотипов его восприятия и изображения, сложившихся в литературно-общественном сознании и отчасти в официальной пушкинистике (деканонизация). Крайним проявлением этой тенденции как раз и является профанация, опошление образа Пушкина – невольная или намеренная демонстрация оскорбительного, а то и кощунственного (прежде всего с позиций традиционализма) отношения к поэту и памяти о нем. Ср.: в классическом варианте поэтической репрезентации ситуации «дуэль»: *Погиб поэт! – невольник чести – Пал, оклеветанный молвой, С свинцом в груди и жаждой мести, Поникнув гордой головой!*⁸; в варианте, отмеченном снятием трагического пафоса, – в стихах представителя ленинградского андеграунда: *Но Дантес целится зер гут: / Ба-бах! И Пушкину капут. // Увы и ах! Погибла бард / И знаменитый бакенбард*⁹, а также в стихотворении, где нетрудно усмотреть тенденцию к профанации: *И Дантес кричит Пушкину: /*

*Пушкин, давай на дуэль! / Тот нетрезво смеется, / Тащит Наталью в постель. / А утром из шкафа в гостиной берет пистолет / И идет на тот свет*¹⁰.

Поскольку любое умаление или снятие агиографического пафоса может восприниматься общественностью как «осквернение мифологического образа Пушкина» [13], это, соответственно, находит отражение в охранительном (пуристическом) субтексте Пушкинского текста, репрезентируемом, в частности, литературно-пародийными текстами, в которых посредством смеха дается критическая оценка произведениям авторов, нарушивших, с точки зрения пародиста, этические нормы по отношению к национальной святыне либо немотивированно использовавших пушкинское слово [21]. Вот как, например, реализуется пуристическая стратегия в пародии А. Иванова на стихотворение В. Рабиновича: *Шестикрыл главой поник, / И, махнув крылом, как сокол, / Вырвал язвый мой грешык, / Чтобы Пушкина не трогал*¹¹. С публицистическим накалом, апеллированием к ценностно-коннотативной сфере концепта «Бог» проявляется «охранная» тенденция в стихотворении Ю. Мориц: *Я лаяла на ветер, как собака: / – Не поминайте Пушкина вотще! / Ведь богом есть и честь, и стыд, и совесть. / И Белкина пронзительная повесть, / И Командор в нетлеющем плаще!*¹²

В том или ином субтексте разные дискурсивные стратегии одного диапазона или противоположных могут контрастировать, дополнять друг друга, контаминироваться. Так, например, нельзя не согласиться с Т.Г. Шеметовой, что в стихе

⁵Тютчев Ф.И. 29-е января 1837 (Из чьей руки...) // России первая любовь. С. 84.

⁶Плещеев А.Н. Памяти Пушкина // России первая любовь. С. 144.

⁷Лебедушкина О. Пушкинская свеча. URL: <http://zanimatika.narod.ru/RF1511.htm> (дата обращения: 14.09.2016).

⁸Лермонтов М.Ю. Смерть поэта // России первая любовь. С. 79.

⁹Гаврильчик В.В. Геройское. URL: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj12/gavrilch.shtml> (дата обращения: 14.09.2016).

¹⁰Шкарубо Е. Дуэль. URL: <http://www.stihi.ru/2014/04/27/8465> (дата обращения: 14.09.2016).

¹¹Иванов А. Плоды вдохновения. М., 1983. С. 200.

¹²Мориц Ю. Сто лет назад // России первая любовь. С. 329.

«Как атеист я в Пушкина не верю» из поэмы К. Арбенина¹³ содержится «провозглашение божественной сущности Пушкина (мифологизация) и опровержение ее (демифологизация)» в силу контраста импликаций ‘Пушкин – бог’ и ‘Пушкин – человек, поэт с реальной биографией’. Кроме того, интертекстуальная переключка арбенинского стиха с высказыванием Пушкина – «В вопросе счастья я атеист; я не верю в него»¹⁴ – мотивирует смысловое отождествление понятий «счастье» и «Пушкин» и, следовательно, имплицитно мифологическую составляющую в сознании поэта [16].

Цели демифологизировать образ Пушкина служили и широко известные «Литературные анекдоты» Д. Хармса, в которых представлен пародийный образ поэта. В связи с рассматриваемым нами вопросом интерес представляют выводы исследователя творчества Д. Хармса Н.А. Масленковой: «Все признаки, последовательно приписываемые Пушкину в анекдотах, образуют градацию и снижают образ знаменитого поэта до идиота, обесмысливая его. Но все эти признаки взяты, разумеется, не из биографии реального Пушкина. Они определены другой целью – пародией на образ Пушкина, сложившийся в массовом сознании, приписывающий поэту близкие и понятные массовому сознанию качества и поступки. Хармс пародирует разнообразный материал: жанр исторического анекдота, мемуары, пушкинские произведения. Но своеобразие хармсовской пародии состоит в том, что ее объектом являются не сами первоисточники, а их осмысление прежде всего современным Хармсу обществом. Он стремится воспроизвести в гротескном виде образ Пушкина, доведя до абсурда тенденции, существующие в массовом сознании» [22]. Значительно

позже, уже в 1970-х годах, среди читателей обретает популярность «пародийная личность» Пушкина, созданная в подражание и продолжение анекдотам Хармса бывшими сотрудниками журнала «Пионер» Н. Доброхотовой-Майковой и В. Пятницким¹⁵.

Таким образом, в Пушкинском тексте реализуются такие основные дискурсивные стратегии, как мифологизирующая и демифологизирующая, игровая (людская) и профанирующая, пуристическая («охранная») и оценочная (эволютивная). Последняя, в частности, свойственна стилизации, перепеву, стилизованным пародиям – в них прототекстовое пушкинское слово выступает в качестве ценностного эталона, образцовой поэтической формы. В Пушкинском тексте можно видеть и сам культурный код, подлежащий интерпретации, и систему кодов («ячеистую сеть, топикку, через которую пропускается любой текст» [23, с. 45]), в данном случае – любой текст, маркированный пушкинской темой. Пушкинский текст обладает своим словарем, ономастиконном, тематическо-мотивным, сюжетным и «декоративным» репертуаром. Выявить и описать этот вокабуляр, ключевые словесные ряды, а также механизмы взаимодействия гетерогенных компонентов данного сверхтекста представляется одной из насущных задач русской филологии.

Пушкинский текст русской литературы – это длящееся во времени *полифоничное* высказывание о сбывшемся в русской истории, культуре, национальном самосознании культурном герое, национальном гении, «солнце русской поэзии», человеке-мифе Пушкине. И в этом высказывании-тексте любой из авторских голосов воспринимается как контрапункт, т. е. только во взаимодействии, в соотношении с другими голосами.

¹³Арбенин К.Ю. Пушкин Мой. Поэма во фрагментах. СПб., 1998.

¹⁴Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л., 1979. Т. 10. С. 647.

¹⁵Доброхотова Н., Пятницкий В. Литературные анекдоты. URL: <http://www.petrenko.ru/lib/story.php?x=3&t=101> (дата обращения: 14.09.2016).

Список литературы

1. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб., 2003. 616 с.
2. Кутина Н.А., Битенская Г.В. Сверхтекст и его разновидности // Человек – текст – культура: моногр. / под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. Екатеринбург, 1994. С. 214–233.
3. Гаврилина Л.М. Калининградский текст в семиотическом пространстве культуры // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. 2011. № 6. С. 75–83.
4. Кузьмина Н.А. Книга стихов как сверхтекст // *Respectus philologicus*. 2011. № 19(24). С. 19–30.
5. Зырянов О.В. Феноменология «ситуационных» сверхтекстов в лирике (к постановке вопроса) // Диалоги классики – диалоги с классикой: сб. науч. ст. / под ред. О.В. Зырянова, Н.В. Пращерук. Екатеринбург, 2014. С. 13–40.
6. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003. URL: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35> (дата обращения: 14.09.2016).
7. Лошаков А.Г. Сверхтекст: семантика, прагматика, типология: автореф. ... дис. д-ра филол. наук. М., 2008. 48 с.
8. Хазагеров Г.Г. Персоносфера русской культуры // Новый мир. 2002. № 1. С. 133–145.
9. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996. 351 с.
10. Кузьмина Н.А. Пушкинский текст современной поэзии // Вестн. Омск. ун-та. 1999. № 2. С. 108–117.
11. Шатин Ю.В. «Пушкинский текст» как объект культурной коммуникации // Сибирская пушкинистика сегодня: сб. науч. ст. / сост., подгот. к печ. и ред. В.Н. Алексеева и Е.И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск, 2000. С. 231–238. URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/museum/texts/sibpush/shatin.ssi> (дата обращения: 14.09.2016).
12. Уртминцева М.Г. «Пушкинский текст» мемуарного очерка И.С. Тургенева «Литературный вечер у Плетнева» // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманит. науки (филология). 2005. Вып. 6(50). С. 13–16.
13. Шатин Ю.В. Пушкинский дискурс в русской критике // Критика и семиотика. 2007. Вып. 11. С. 183–191.
14. Шеметова Т.Г. Персонализация исторической памяти в мифах о Пушкине и Бродском // Вестн. Рос. гос. гуманит. ун-та. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2012. № 18(98). С. 115–123. URL: http://www.rsuh.ru/upload/main/vestnik/ifkv/archive/Literaturovedenie/%E2%84%96%2018_2012.pdf (дата обращения: 14.09.2016).
15. Загидуллина М.В. Классические литературные феномены как историко-функциональная проблема (творчество А.С. Пушкина в рецептивном аспекте): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2002. 24 с.
16. Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 48 с.
17. Минц З.Г. Понятие текста и символистская эстетика // Минц З.Г. Блок и русский символизм: Избранные труды: в 3 кн. Кн. 3. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 97–102.
18. Тюпа В.И. Мифопоэтика сопряжения художника и жизни // Нов. филол. вестн. 2011. № 3(18). С. 122–137.
19. Бурсов Б.И. Судьба Пушкина. Л., 1989. 568 с.
20. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово, 2004. 386 с.
21. Лошаков А.Г. Пушкинский контекст в литературной пародии // Лингвистика и поэтика 2: сб. науч. ст. / отв. ред. Н.А. Николина. М., 2005. С. 145–154.
22. Масленкова Н.А. А. Пушкин глазами Даниила Хармса. URL: <http://www.d-harms.ru/library/pushkin-glazami-daniila-harmsa.html> (дата обращения: 14.09.2016).
23. Барт Р. S/Z. М., 2001. 232 с.

References

1. Toporov V.N. *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbrannye Trudy* [Saint Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works]. St. Petersburg, 2003. 616 p.
2. Kupina N.A., Bitenskaya G.V. *Sverkhhtekst i ego raznovidnosti* [Supertext and Its Types]. *Chelovek – tekst – kul'tura* [Human – Text – Culture]. Yekaterinburg, 1994, pp. 214–233.
3. Gavrilina L.M. *Kaliningradskiy tekst v semioticheskom prostranstve kul'tury* [The Kaliningrad Text in the Semiotic Space of Culture]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, 2011, no. 6, pp. 75–83.
4. Kuz'mina N.A. *Kniga stikhov kak sverkhhtekst* [A Book of Poems as a Supertext]. *Respectus philologicus*, 2011, no. 19, pp. 19–30.

5. Zyryanov O.V. Fenomenologiya "situatsionnykh" sverkhstekstov v lirike (k postanovke voprosa) [Phenomenology of Situational Supertexts in Lyric Poetry (to the Statement of the Question)]. *Dialogi klassikov – dialogi s klassikoy* [Dialogues of the Classics – Dialogues with the Classic]. Yekaterinburg, 2014, pp. 13–40.
6. Mednis N.E. *Sverkhsteksty v russkoy literature* [Supertexts in Russian Literature]. Novosibirsk, 2003. Available at: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35> (accessed 14 September 2016).
7. Loshakov A.G. *Sverkhstekst: semantika, pragmatika, tipologiya*: avtoref. ... dis. d-ra filol. nauk [Supertext: Semantics, Pragmatics, Typology: Dr. Philol. Sci. Diss. Abs.]. Moscow, 2008. 48 p.
8. Khazagerov G.G. *Personosfera russkoy kul'tury* [The Personal Sphere of Russian Culture]. *Novyy mir*, 2002, no. 1, pp. 133–145.
9. Gasparov B.M. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, Memory, Image. Linguistics of Language Existence]. Moscow, 1996. 351 p.
10. Kuz'mina N.A. Pushkinskiy tekst sovremennoy poezii [Pushkin Text of Modern Poetry]. *Vestnik Omskogo universiteta*, 1999, no. 2, pp. 108–117.
11. Shatin Yu.V. "Pushkinskiy tekst" kak ob'ekt kul'turnoy kommunikatsii [Pushkin Text as an Object of Cultural Communication]. *Sibirskaya pushkinistika segodnya: sb. nauch. st.* [Siberian Pushkin Studies Today: Collected Papers]. Novosibirsk, 2000, pp. 231–238. Available at: <http://www.prometeus.nsc.ru/museum/texts/sibpush/shatin.ssi> (accessed 14 September 2016).
12. Urtmintseva M.G. "Pushkinskiy tekst" memuarного oчерка I.S. Turgeneva "Literaturnyy vecher u Pletneva" [Pushkin Text of the Memoir Essay by I.S. Turgenev "Literary Soiree at Pletnev's"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki (filologiya)*, 2005, no. 6, pp. 13–16.
13. Shatin Yu.V. Pushkinskiy diskurs v russkoy kritike [Pushkin Discourse in Russian Critique]. *Kritika i semiotika*, 2007, no. 11, pp. 183–191.
14. Shemetova T.G. Personifikatsiya istoricheskoy pamyati v mifakh o Pushkine i Brodskom [Personification of Historical Memory in Myths About Pushkin and Brodsky]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta. Ser.: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*, 2012, no. 18, pp. 115–123. Available at: http://www.rsuh.ru/upload/main/vestnik/ifkv/archive/Literaturovedenie/%E2%84%96%2018_2012.pdf (accessed 14 September 2016).
15. Zagidullina M.V. *Klassicheskie literaturnye fenomeny kak istoriko-funktsional'naya problema (tvorchestvo A.S. Pushkina v retseptivnom aspekte)*: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Classical Literary Phenomena as a Historical and Functional Problem (Receptive Aspect of A.S. Pushkin's Works): Dr. Philol. Sci. Diss. Abs.]. Yekaterinburg, 2002. 24 p.
16. Shemetova T.G. *Biograficheskiy mif o Pushkine v russkoy literature sovetskogo i postsovetskogo periodov*: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [The Biographical Myth About Pushkin in Russian Literature of the Soviet and Post-Soviet Periods: Dr. Philol. Sci. Diss. Abs.]. Moscow, 2011. 48 p.
17. Mints Z.G. Ponyatie teksta i simvolistskaya estetika [The Concept of Text, and Symbolist Aesthetics]. Mints Z.G. *Blok i russkiy simvolizm: Izbrannye trudy: v 3 kn. Kn. 3. Poetika russkogo simvolizma* [Alexander Blok and Russian Symbolism: Selected Works: In 3 Books. Book 3. The Poetics of Russian Symbolism]. St. Petersburg, 2004, pp. 97–102.
18. Tyupa V.I. Mifopoetika sopryazheniya khudozhnika i zhizni [Mythopoetics of the Connection Between Artist and Life]. *Novyy filologicheskiy vestnik*, 2011, no. 3, pp. 122–137.
19. Bursov B.I. *Sud'ba Pushkina* [The Fate of Pushkin]. Leningrad, 1989. 568 p.
20. Pimenova M.V. *Dusha i dukh: osobennosti kontseptualizatsii* [The Soul and the Spirit: Peculiarities of Conceptualization]. Kemerovo, 2004. 386 p.
21. Loshakov A.G. Pushkinskiy kontekst v literaturnoy parodii [Pushkin Context in Literary Parody]. *Lingvistika i poetika 2: sb. nauch. st.* [Linguistics and Poetics 2: Collected Papers]. Moscow, 2005, pp. 145–154.
22. Maslenkova N.A. *A. Pushkin glazami Daniila Kharmsa* [Pushkin Through the Eyes of Daniil Kharms]. Available at: <http://www.d-harms.ru/library/pushkin-glazami-daniila-harmsa.html> (accessed 14 September 2016).
23. Barthes R. *S/Z*. Paris, 1970 (Russ. ed.: Bart R. *S/Z*. Moscow, 2001. 232 p.).

doi: 10.17238/issn2227-6564.2016.5.117

Aleksandr G. Loshakov

Severodvinsk Branch of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
36 Karla Marksa St., Severodvinsk, 164500, Russian Federation;
e-mail: a.loshakov@narfu.ru

Ivan A. Shusharin

Severodvinsk Branch of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
36 Karla Marksa St., Severodvinsk, 164500, Russian Federation;
e-mail: i.kaziacka@yandex.ru

PROLEGOMENA TO THE CONCEPT OF PUSHKIN TEXT IN RUSSIAN LITERATURE

In Russian philology, *Pushkin text* has different interpretations: totality of Pushkin's works; quotation fund of the bearer of Russian culture (B.M. Gasparov); intertext that actively resonates in the texts of Russian literature (N.A. Kuzmina); textual realization of the *Pushkin myth* in the history of the literary process, which corresponds to the communicative strategies of universalism, biographism, phenomenism, deconstructivism, and literary play changing in the course of time (Yu.V. Shatin, M.V. Zagidullina, T.G. Shemetova et al.); and megatext, which is similar to the myth (V.I. Tyupa). In this article, Pushkin text is considered to be the basic personalized supertext of the Russian textsphere; it is based on the content of the nationally important concept *Pushkin*. The structure of this supertext includes the "text of the poet's life", the text of his works (prototextual level) and a vast corpus of metatexts functioning in various types of discourse (literature, critique, pedagogy etc.). The uttermost semantic attitude of the Pushkin text is polyfunctional and diverse in its content; it manifests itself in various discourse strategies: mythifying, demythifying, puristic, evolutive (axiological), ludic etc. However, the range of their application is determined by two antithetical axiological vectors: sacral and profane. Any text marked by the Pushkin motif falls within the sphere of influence of Pushkin text meanings, becomes incorporated in it and is interpreted in accordance with Pushkin text strategies. For Russian culture, Pushkin text is the most important factor of integration and development, an axiological standard, which not only influences national identity, but also determines the formation of other personalized and local texts by entering into complex semantic relations with them.

Keywords: *personalized supertext, personic concept, Pushkin text of Russian culture, Pushkin myth, prototext, discourse strategy, word group.*

Поступила: 20.04.2016
Received: 20 April 2016